

Добужинский М. В.

15/IV 88

**С**ЕРИЯ «Литературные памятники», в которой вышла эта книга, имеет давнюю, неизменно высокую репутацию. Традиционный формат, темный переплет, традиционен пространственный справочный аппарат. Не только представительная, но истинно работающая редколлегия сочетает в этой серии Запад и Восток, Древнюю Русь и двадцатый век. Сравнительно недавно изданы два тома литературного наследия Александра Николаевича Бенуа — «Мои воспоминания». Их словно продолжает том, посвященный Мстиславу Валериановичу Добужинскому, с таким же простым названием — «Воспоминания».

Иначе, кажется, и нельзя назвать любовно-неторопливый рассказ художника о временах своего детства и юности (родился Добужинский в 1875 году в Петербурге) о недалеких поездках и длительных путешествиях, о встречах с Рахманиновым, Чюрленисом, Фокиным, о создании не только журнала, но только объединения художников, но целого направления культуры, известного под названием «Мир искусства». Одни главы развернуты, другие фрагментарны, напоминают эскизы будущей картины. Но все они объединены двойным — и в то же время единым — острым ощущением времени. Времени, когда пишутся воспоминания о дальнем Петербурге (умер Добужинский в 1957 году в Нью-Йорке), и того давнего времени, которое запечатлено в живописи Добужинского, а с изданием «Воспоминаний» подтверждено его словом.

Несомненно единство зрения, слуха, слова художника, его живописи и творчества литературного. Замечательно единство живописи и «шестидесятилетней» прозы Перова, цветовая насыщенность репинских воспоминаний, возвышенные, ритмизованные письма Рериха. Слово Добужинского так же просто, отчетливо, подробно и насыщенно-образно, как его эскизы городов, портреты, работы для театра. Первая глава воспоминаний — «Петербург моего детства». Первые строки:

«Перед моими окнами были запасные пути соседнего Финляндского вокзала, с

М. В. Добужинский. «Воспоминания». Издательство «Наука», 1987. 477 стр. 6 руб.

## КНИГИ ОБ ИСКУССТВЕ

# О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

красными товарными вагонами и длинными железнодорожными складами... Вдали высились заводские трубы, и ранним утром я любил прислушиваться к протяжным и печальным фабричным гудкам».

Для человека, воспринимающего «мир-искусников» только в их влюбленности в петербургское «ретро», это индустриальное воспоминание может показаться случайным. Для личности Добужинского оно не менее важно, нежели тишина белых ночей, определившая его знаменитые иллюстрации к повести Достоевского. «Белые ночи» в оформлении Добужинского переиздаются часто — кажется, сама повесть уже немислима без этой перспективы Крюкова канала, без фигуры Настеньки, склоненной над чугунным узором ограды. И встают в ночной белизне силуэты пятиэтажных «громов» (ахматовское определение сливается с живописью), и затеряно где-то в верхнем этаже одинокое освещенное окно мечтателя.

Город Добужинского, будь то Вильно или Петербург, — город с «громадами», вывесками модных портных, с трамвайными рельсами и заводами. Портрет города во времени, в начале двадцатого века.

В иллюстрациях к воспоминаниям есть зарисовка — комната в Нью-Йорке. Легкая занавеска на окне, кресло-качалка, диванчик, словно отсюда можно выйти на Офицерскую, на Мойку... Проживший тридцать лет в чужих землях, Добужинский не изменил родине ни в слове, ни в живописи. Любимым его занятием-отдыхом было мысленное хождение по Невскому с перечетом не только каждого дома, но каждой витрины, каждой вывески...

Воспоминания посвящены своим горо-

дам, портреты-главы — Вильно, Сиены, Рима, прежде всего Петербурга-Петрограда — словно акварели, зарисовки художника. Однако знаменательно признание: «...У меня был период и охлаждения к темам Петербурга (я думаю, между 1908 и 1914 гг.). Когда меня провозгласила критика «поэтом Петербурга», мне стало противно носить этот ярлык... Стать «специалистом» и «творить под диктовку» претило всей моей натуре художника и моему вкусу».

Воспоминания отображают путь художника. От впечатлений — «видов» детства — автор переходит к «петербургским типам». Эти «типы» в большинстве — художники-сверстники по «Миру искусства», литераторы, люди театра: все в своем городе, в своем доме. Мотив дома первоначально важен Добужинскому всегда, везде. Поэтому фактом эстетики становится простое житейское совпадение: «Блон жил... по соседству со мной, на углу Офицерской и речки Пряжки. Из окон его был тот же самый вид, что я часто рисовал из моей квартиры, далекие эллипсы Балтийского завода и его железные краны...»

И бездомность человека будет ощутима в цикле петербургских видов начала двадцатых годов. Город блоковых «Двенадцати», жестокого мороза, разрухи, близких фронтов. В этом городе предчувствуется блокада, которую — узнаем об этом из тома «Воспоминаний» — художник словно сам переживал с ленинградцами в годы второй мировой — Великой Отечественной.

Мотив дома вошел в театральные работы Добужинского. В «Воспоминаниях» замечательна глава о Художественном театре, о работе со Станиславским, сочетающей незабываемую радость и мучения невоплощенности (вспомним труд, поло-

женный ими на блоковскую драму «Роза и Крест», не увидевшую премьеры). В итоге же — годы не растрат, но свершений, плодотворного познания жестких законов театра. Они осуществлялись Добужинским в премьерах Вильнюса, Каунаса, Нью-Йорка, Парижа. Совершенное выражение этих законов — «Месяц в деревне». Знаменитый эскиз, входящий в собрания сочинений Тургенева и в труды по истории театральной живописи: полукруг «зеленой гостиной», черные кресла и диван с вышитыми розами, зеркала, две женские фигуры... В тончайшем спектакле Художественного театра 1909 года эти декорации совершенно выразили замысел режиссуры, слились с образами Станиславского, Книппер-Чеховой, юной Корневой. Рядом, в том же театре, — тревожные силуэты в ночи не белой, но темно-дождливой, огромное окно, возле которого застыла женщина в зеленом платье, с терракотовым платком на плечах. Холод, одиночество, ожидание. И лестница на чердак, по которой поднялся, но никогда уже не спустится Николай Ставрогин. Эскизы к «Бесам» в Художественном театре — у истоков новой сценографии Достоевского, столь важной для нынешнего театра.

Так в «Воспоминаниях» воплощается новаторство Добужинского и связь его с традициями русской культуры.

«Воспоминания» любовно собраны семьей Добужинского, людьми его круга — для нью-йоркского издания 1976 года. Как истинный «литературный памятник» готовили их к печати в издательстве «Наука» ответственный редактор Г. Ю. Стернин и Г. И. Чугунов — биограф художника, исследователь его творчества. Труд Г. И. Чугунова целен и развернут — от статьи о художнике и его книге до примечаний с многими открытиями, уточнениями, подробностями не только художественной жизни, но городской топографии. Труд этот посвящен памяти Веры Дмитриевны Лихачевой. Ей не удалось увидеть книгу, в которой живут ее помощь и добрые советы. Занимаясь преимущественно искусством древним, Византией и Русью, она ощущала единство «гомосферы» — сферы деятельности человека, непрерывность человеческой культуры. Той культуры, в которой существенно имя Мстислава Добужинского.

Е. ПОЛЯКОВА,  
доктор искусствоведения